

ЦИЦЕРОН

Древнеримский оратор, философ, ученый, политический деятель

ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ

ОРАТОР ЗАБОТИТСЯ О ТРЕХ ВЕЩАХ:
ЧТО СКАЗАТЬ,
ГДЕ СКАЗАТЬ
И КАК СКАЗАТЬ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ И ПЕРЕВОД
М.Л. ГАСПАРОВА

Москва

ЦИЦЕРОН

Древнеримский оратор, философ, ученый, политический деятель

ОБ ОРАТОРСКОМ ИСКУССТВЕ

ОРАТОР ЗАБОТИТСЯ О ТРЕХ ВЕЩАХ:
ЧТО СКАЗАТЬ,
ГДЕ СКАЗАТЬ
И КАК СКАЗАТЬ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ И ПЕРЕВОД
М.Л. ГАСПАРОВА

Москва

УДК 808.5
ББК 83.7
Ц75

Перевод с латинского *М. Л. Гаспарова*,
а также *В. А. Алексева*, *Ф. Ф. Зелинского*

Цицерон, Марк Туллий.

Ц75 Об ораторском искусстве / Марк Туллий Цицерон ; [перевод с латинского М. Л. Гаспарова, В. А. Алексева, Ф. Ф. Зелинского]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Философия в кармане).

ISBN 978-5-04-222231-3

В сборник вошли два ключевых трактата Цицерона — «Оратор» и «О наилучшем виде ораторов». «Оратор» дан в переводе М.Л. Гаспарова, одного из ведущих специалистов по античной филологии. В своих текстах Цицерон раскрывает ораторское искусство не только как мастерство речи, но и как выражение философских и гражданских идеалов. Идеальный оратор для Цицерона — это человек высокой добродетели, сочетающий мудрость, мужество и служение обществу, чьи слова обладают силой и убеждают не только разум, но и сердце. Эта книга станет надежным путеводителем для всех, кто стремится понять риторику как философскую практику и средство воспитания личности.

УДК 808.5
ББК 83.7

ISBN 978-5-04-222231-3

© Зотова А.М., перевод на русский язык, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Содержание

Цицерон и античная риторика <i>М. Л. Гаспаров</i>	5
Оратор <i>Перевод М. Л. Гаспарова</i>	141
О наилучшем роде ораторов <i>Перевод В. А. Алексева (1919), Ф. Ф. Зелинского (1944)</i>	303

**ЦИЦЕРОН
И АНТИЧНАЯ РИТОРИКА**

М. Л. Гаспаров

I

Современному человеку трудно представить и понять, какое значение имела для Античности культура красноречия и каким почетом оно пользовалось. Новое время, время революций и парламентской борьбы, знало немало выдающихся ораторов, память о них сохранялась надолго, но никогда в Новое время не приходилось обозначать целый литературный период именем великого оратора, как обозначаем мы в римской литературе I в. до н. э. именем Цицерона.

Чтобы оценить это исключительное значение ораторского слова в древности, следует прежде всего вспомнить, что вся культура Греции и Рима — особенно по сравнению с нашей — в большой степени была культурой устного, а не письменного слова. Книги были рукописные, книг было мало, многое приходилось заучивать наизусть, и люди хранили любимые сочинения поэтов и прозаиков не на полках, а в памяти. Стихи Вергилия и перио-

ды Цицерона одинаково рассчитаны не на чтение глазами, а на произнесение вслух. Даже исторические сочинения, даже философские трактаты, даже научные исследования писались прежде всего для громкого чтения. Высказывалось предположение, что Античность вовсе не знала чтения «про себя»: даже наедине с собою люди читали книги вслух, наслаждаясь звучащим словом. Поэтому нетрудно понять, какое значение для развития художественного стиля античной литературы имело красноречие — жанр, в котором звучащее слово царил полновластнее всего.

Далее, следует помнить, что Античность до самого позднего времени не знала беллетристики в нашем смысле слова: художественной прозы с вымышленным занимательным сюжетом. Если читатель искал занимательности, он брался за историю, за мифологию, за описательную географию и естествознание — книги о дальних странах и диковинках природы; если же читатель искал художественности, он брался за поэтов, а из прозаиков — прежде всего за ораторов. Таким образом, речи Демосфена и Цицерона оставались источниками художественного наслаждения даже для тех читателей, которые не знали и не думали, когда, зачем и о чем эти речи были произнесены.

Наконец — и это важнее всего, — в общественной жизни античных государств красноречие играло неизмеримо более важную роль, чем в Новое время. Древность не знала представительной

системы правления, власть в государстве принадлежала только тем членам правящего сословия, которые являлись в сенат, и только тем гражданам, которые толпились на площади народного собрания; и, обращаясь к ним лично, хороший оратор одной выразительной речью мог решающим образом повлиять на государственную политику. В наше время эта роль все более переходит от устных речей к печатным статьям, и все чаще приходится слышать с трибуны речи, написанные в форме статьи и читаемые по записке; в древности же, напротив, даже если речь не предназначалась к произнесению и издавалась письменно, как памфлет, она бережно сохраняла все признаки стиля и жанра устной речи. Общественную роль играли не только речи в сенате и в народном собрании — «совещательные», по античной терминологии, — но и речи торжественные и судебные. Торжественные речи на празднестве или чествовании очень часто выливались в декларацию политической программы, а судебные речи обычно использовались, чтобы свести политические счеты с противником, обвинив его в злоупотреблении властью или опорочив как частное лицо.

Легко понять, что больше всего простора для развития красноречия предоставлял демократический строй. И действительно, два периода наибольшего расцвета античного красноречия приблизительно совпадают с двумя периодами большого подъема рабовладельческой демократии.

В Греции это V–IV вв. до н. э., в Афинах — время от Перикла до Демосфена; в Риме это I в. до н. э., время Цицерона.

Афинская демократия V–IV вв. породила целую плеяду славных ораторов, имена которых с неизменным почетом упоминаются у Цицерона. Великим оратором считали Фемистокла, основателя афинского могущества; о Перикле говорили, что его речь подобна громам и молниям; глашатай простонародья Клеон и идеолог аристократии Ферамен оставили свои имена в истории аттического красноречия. Правда, все их речи остались незаписанными, и потомки могли о них судить лишь по преданию или в лучшем случае по той великолепной речи, которую Фукидид в своей «Истории» влагает в уста Перикла. Первым оратором, который стал записывать свои речи, считался Антифонт, современник Ферамена. Зато следующие поколения, ряд великих ораторов IV в., уже вошли в литературу с писаными речами. Первым в этом ряду стоит Лисий, признанный образец простоты и изящества; затем — Исократ, «отец красноречия», сам почти не выступавший публично, но оставивший много писанных речей и воспитавший много талантливых учеников; и затем, уже в пору борьбы Афин против македонского наступления на Грецию, — лучшие ораторы македонской партии, блестящий Эсхин и язвительный Демад, и лучшие ораторы антимакедонской партии, резкий Ликург и тонкий Гиперид, во главе с величайшим оратором Греции — Демосфеном. Речи Демос-

фена были вершиной аттического красноречия, преклонение перед его гением было всеобщим: Цицерон считал его речи совершенством, Квинтилиан называл его законодателем слова. Параллельно с этим стремительным развитием красноречия и под его осязаемым влиянием развивались и другие жанры художественной прозы. В эпически-плавном историческом повествовании Геродота еще не заметно приемов красноречия; но крупнейший греческий историк Фукидид уже считался учеником оратора Антифонта; продолжатель Фукидида Ксенофонт разделял с Лисием славу сладостной простоты и изящества; а два историка IV в., более всего повлиявшие на позднейшую историографию, Эфор и Феопомп, были учениками Исократы и обрабатывали исторический материал в соответствии с его риторическими предписаниями. Наконец, Платон, величайший из философов, признавался также величайшим мастером слова, равным Демосфену («так говорил бы Юпитер, если бы стал говорить по-гречески», — пишет о нем Цицерон¹); и его ученик Аристотель в меру сил подражал учителю в тех своих написанных для широкой публики произведениях, которые до нас не дошли, но которыми древность восхищалась.

В этой обстановке подъема и расцвета политического красноречия складывалось представ-

---

¹ «Брут», 121. — Здесь и далее в ссылках указываются только параграфы *цицероновских книг*.

ление демократической Греции об идеале человека. Это был образ «общественного человека» (ἀνὴρ πολιτικός), человека, способного держать в своих руках управление государством; и понятно, что искусство владеть речью было неременной и важнейшей чертой этого образа. Глашатаями этого человеческого идеала выступили во второй половине V в. до н. э. софисты, странствующие «учителя мудрости».

Софистика V в. была очень сложным идейным явлением, однако бесспорно одно: несмотря на то что слушателями софистов сплошь и рядом были аристократы, несмотря на то что теории софистов охотно брали на вооружение противники демократов, все же софистика в целом была духовным детищем демократии. Демократическим было прежде всего само предложение научить любого желающего всем доступным знаниям и этим сделать его совершенным человеком — предложение, которым больше всего привлекали к себе внимание софисты. Демократический образ мыслей лежал и в основе тех представлений о знании, с которыми выступали софисты: в основе учения об относительности истины. Как в свободном государстве всякий человек имеет право судить о государственных делах и требовать, чтобы с ним считались, так и о любом предмете всякий человек вправе иметь свое мнение, и оно имеет столько же прав на существование, как и любое другое. Объективной истины нет, есть только субъективные суждения о ней: человек есть мера

всех вещей. Поэтому нельзя говорить, что одно мнение истиннее другого: можно лишь говорить, что одно мнение убедительнее другого. Научить убедительности, научить «делать слабое мнение сильным» — так представляли свою главную задачу софисты-преподаватели. Для этого в их распоряжении были два средства: диалектика, искусство рассуждать, и риторика, искусство говорить; первая обращалась к разуму слушателей, вторая — к чувству. Тот, кто умело владеет обоими искусствами, может переубедить любого противника и добиться торжества своего мнения: а в этом и заключается цель идеального «общественного человека», участвующего в государственных делах. Отсюда понятно то внимание, с каким софисты занимались теорией красноречия. Протагор, один из первых софистов, считался изобретателем «общих мест», которые играли такую важную роль в позднейшей риторике. Горгий, софист с самой громкой славой, первый стал художественно использовать три самые яркие риторические фигуры — параллелизм (исоколон), антитезу и созвучие окончаний (гомойотелевтон); афиняне долго помнили о том неслыханном успехе, какой имели эти непривычно изысканные, звучащие почти как стихи речи Горгия, когда он в 427 г. впервые приехал в Афины из своей родной Сицилии. Современник Горгия Фрасимах первым стал разрабатывать вопросы ораторского ритма; ученики Горгия Пол и Аикимний занимались вопросами ораторской лексики; младшие со-

фисты Продик и Гипсий изучали воздействие речи на чувства. Софистам же принадлежит разработка системы учебных ораторских упражнений — декламаций на заданные темы: отчасти в виде речей с похвалами, порицаниями, описаниями и т. п., отчасти в виде прений по вымышленным судебным делам.

Однако расцвет софистики был шумным, но недолгим. Возвысившись с подъемом афинской демократии, она закатилась вместе с нею. К концу V в., в ходе несчастной Пелопоннесской войны, несовершенство и внутренняя противоречивость рабовладельческой демократии сделались явными. Стало ясно, что самый разумный «общественный человек» не в силах преодолеть несовершенства существующего государственного строя и должен или подчиниться ему в своей практике, отрешившись от всех идеальных устремлений, или отказаться от всякой общественной деятельности и заняться самосовершенствованием в узком кругу искателей истинного блага. Идеал «общественной жизни» распался на два взаимоисключающих понятия: «жизнь деятельная» (πρακτικὸς βίος) и «жизнь созерцательная» (θεωρητικὸς βίος). Идеалом первой был ритор — практик и политик; идеалом второй — философ, теоретик и мыслитель. Отныне вся духовная жизнь Античности была заключена между этими двумя полюсами — риторикой и философией. Отношения названных культурных идеалов менялись: иногда между ними шла же-